

Крутный план

— Вас удивил успех “Звездных войн” в 1997 году?

— Удивил — не то слово. Я был потрясен. Конечно, я мог бы сказать, что всегда верил в свою работу, но это будет вранье. Никогда не думал, что “Звездные войны” будут иметь такой феноменальный успех. Тем более сегодня, когда почти все желающие могут посмотреть этот фильм на видеокассетах. Повторный выпуск задумывался как скромное мероприятие для кучки киноманов, и только когда отдел маркетинга сообщил, что в Америке большой интерес к фильму, мы рискнули выпустить его в довольно большом количестве залов. Когда я снова увидел длинные очереди за билетами, как в 1977 году, у меня был настоящий шок. Я словно вернулся в прошлое. Это очень странно. Замечательно, но странно.

— И какой же из этого следует урок?

— В целом это подтверждает то, во что я всегда верил: сила фильма — в истории и персонажах. Когда в 1977 году “Звездные войны” появились на экранах, многие объясняли успех фильма спецэффектами и бешеным темпом монтажа. Легкое объяснение. Однако сегодня все боевики снимаются со спецэффектами и монтируются в бешеном темпе, а “Звездные войны” все равно остались особенным фильмом. Сегодня критики объясняют его успех особыми методами маркетинга. Они говорят: “Вы умеете продавать свои фильмы лучше всех в мире”. О’кей, но почему же тогда мне не удалось продать “Утку Говарда” и “Убийства в стране радио”?

— Недавно в журнале Esquire появилась статья, в которой вас со Спилбергом обвиняют в том, что вы убили кино в классическом смысле слова.

— У нас любят громкие слова. Я читал статью и помню логику автора: после успеха “Звездных войн” студии перестали снимать традиционные фильмы и стали делать блокбастеры в ущерб “умному” кино. Я могу ответить, что блокбастеры существуют с 1915 года, когда Гриффит снял “Рождение нации”. Студии всегда работали исключительно по коммерческому принципу.

— Но, согласитесь, на самом деле все сложнее.

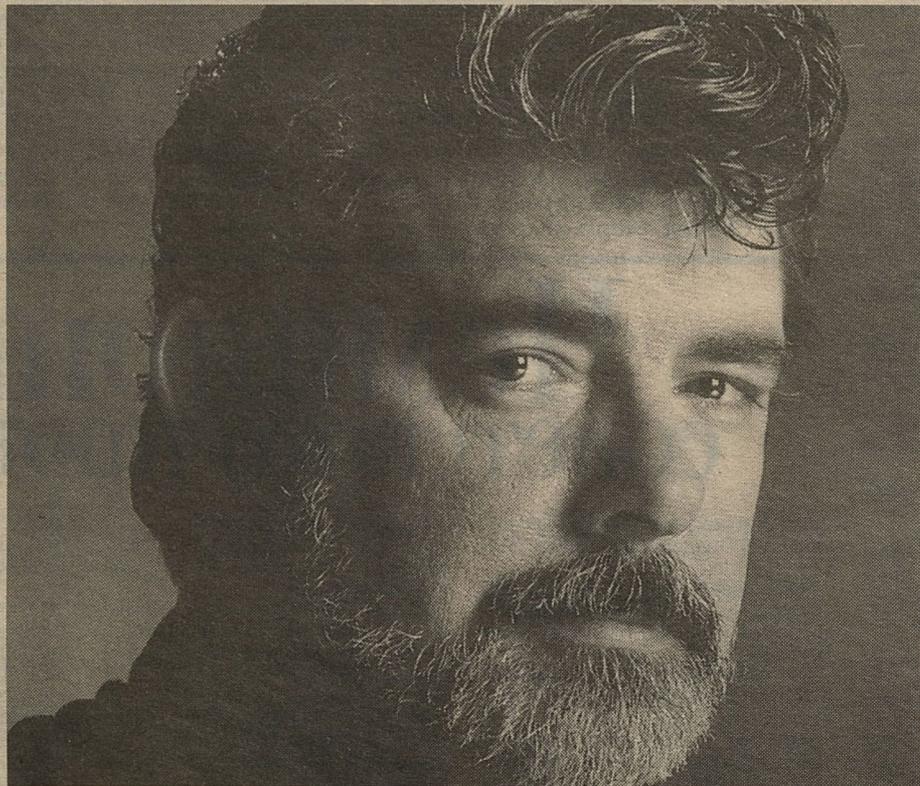
— Конечно, сложнее. Отчасти Стивен и я, мы действительно изменили кинопейзаж. Мы стали первыми в поколении режиссеров, которые апеллировали не к разуму, а к подсознанию. Мы открыли чисто эмоциональное удовольствие от происходящего на экране и использовали это на полную катушку, в отличие от остальных, которые считали кино посредником между литературой и читателем. Когда человек читает, его мозг анализирует слова и придает им смысл. В кино все гораздо быстрее и спонтаннее. Не случайно словами и картинками занимают разные полушария мозга! Реакция в кино — нечто более первобытное, даже примитивное, но вместе с тем более мощное.

— Разумеется, но у критиков к этому двойственное отношение.

— Да, многие предпочитают более интеллектуальный подход. Но многие режиссеры после успеха “Звездных войн” и “Челюстей” постарались имитировать новый стиль, и студии стали делать ставку на новый тип блокбастеров. Хотя они всегда делали блокбастеры. Просто теперь их стали лепить из других кирпичиков. А если эти фильмы получаются плохими, то не потому, что плоха концепция, а просто из-за того, что сделать хороший фильм очень тяжело.

— Но “Звездные войны” перешагнули киношные рамки и

Невероятный кассовый успех “Звездных войн” в 1977 году стал неожиданностью для всех, в том числе для самого создателя трилогии Джорджа Лукаса. Но еще более удивительным был резонанс, который вызвал повторный выпуск на экраны знаменитой космической трилогии по случаю 20-летнего юбилея. Через несколько дней после нового триумфа Джордж Лукас дал интервью французскому журналу Studio Magazine, которое “ЭС” перепечатывает с небольшими сокращениями.

ДЖОРДЖ ЛУКАС: “Границы - рамки человеческого воображения”

Жюльетт МИШО

стали культурологическим феноменом. Что вы чувствовали, когда Рейган запустил оборонную программу “звездные войны”?

— Впервые я понял феноменальность “Звездных войн”, когда увидел, как люди, выходящие из кинотеатра, бегут в кассу покупать билеты на следующий сеанс. Они возвращались в зал три-четыре раза, иногда на следующий день, иногда в тот же самый вечер. А что касается Рейгана, то на самом деле название программы придумали его оппоненты. Они хотели посмеяться над его программой, а он решил использовать название им назло. Мне потом рассказывали, что военные инженеры захотели использовать в космосе лазерные лучи после просмотра “Звездных войн”, но, честно говоря, я не очень горжусь тем, что им помог.

— Сильно ли изменилось кино за последние 10 лет?

— Смотря в чем. Самая важная перемена: студии попали в руки межнациональных корпораций, которые стараются управлять ими, как остальными производственными компаниями. В результате растет число сотрудников, посредников, агентов. Решения принимаются только коллегиально, а это находится в вопиющем противоречии с творческим процессом. Студии хотят сделать новые “Звездные войны”, но сами создают условия, при которых это невозможно. Они не понимают, что до успеха в прокате “Звездные войны” были личным авторским проектом. Мне по-

везло встретиться с руководителем Fox Аланом Лэддом-младшим, который практически в одиночку решил, запустить фильм или нет. Он мне сказал: “Ни черта не понимаю в вашем проекте, но буду его финансировать: мне кажется, вы знаете, что делаете. Может быть, что-нибудь и получится”. Сегодня такое немыслимо. Даже если кто-то на студии вас поддерживает, ему нужно убедить еще дюжину человек. И обязательно кто-нибудь из них потребует изменить финал, а кто-то скажет, что нужно побольше действия, и так далее. Художник становится инструментом, а те, кто принимает решения, зачастую вообще ничего не понимают в кино. Но с другой стороны, финансирование кино крупными банковскими структурами коренным образом изменило систему проката. Новая сеть кинотеатров с многочисленными залами позволила донести до зрителей независимые фильмы, и это невероятно помогло авторскому кино. Когда залов было меньше, в них крутили одни блокбастеры. А многозальные кинотеатры позволили людям выбирать, что смотреть. Десять лет назад такой фильм, как “Криминальное чтиво”, собрал бы в прокате не больше 2-3 миллионов долларов. А сегодня он уже перешагнул 100-миллионную планку. 10 лет назад зритель мог посмотреть “Фарго” только если бы жил в большом городе, да и то ему пришлось бы тащиться в кинотеатр-артхаус на другом конце города. А сегодня “Фарго” идет в сотнях кинотеатров. Независимые

фильмы получили признание не потому, что стали лучше, а потому, что им помогает система. Та самая, которая с первого взгляда только и делает, что душит независимое кино.

— Но ведь действительно деньги вкладываются в “фильмы-подпорки”, на которые студии делают основные ставки! А гонорары кинозвезд?

— Кинозвезды функционируют, как спасательные круги. Конечно, когда вам предлагают спасательный круг за 20 миллионов долларов, об этом стоит призадуматься. Хотя, если ваш корабль обошелся в 150 миллионов, есть смысл подстраховаться. Но если учесть, что обычный спасательный круг стоит около 20 миллионов долларов, приходится признать, что агенты звезд используют страх студий перед кораблекрушением и занимают элементарным шантаром.

— Что вы думаете о проекте Джеймса Кэмерона снять фильм с синтетическими актерами?

— Честно говоря, не вижу в этом ничего принципиально нового. Во-первых, потому что это не станет технической революцией. Если мы создаем цифровых динозавров и далматинских догов, почему создание человека станет революционным? А во-вторых, это не остановит роста гонораров кинозвезд. Создать цифрового персонажа все равно обойдется дороже. Актеру нужно просто улыбнуться, но для того, чтобы воспроизвести эту улыбку, команде технологов придется трудиться несколько

дней. Но с другой стороны, я знаю, что в Японии создан синтетический персонаж, с которым можно общаться. Это очень красивая женщина, она “живет” в Интернете. С ней можно “поговорить”, она может даже спеть песенку. Интересно, что ее реалистичность отчасти создается желанием людей верить, что она настоящая. Многие мужчины влюблены в нее и хотят, чтобы она была настоящей, хотя знают, что это синтетический персонаж.

— В чем заключается основной долг современного режиссера?

— Чувствовать ответственность за создаваемые произведения. Кинематографисты сегодня больше других людей влияют на эстетический пейзаж планеты. Поэтому они должны очень внимательно и ответственно относиться к содержанию своих посланий.

— Что вас больше всего удивляет в молодом поколении кинематографистов?

— То, что почти все интересные постановщики пришли из независимого кино. На студиях не выросло почти ни одного талантливого постановщика. Но зато у независимых очень личный, нестандартный взгляд на мир.

— Какие изменения произойдут в кино в ближайшие 10 лет?

— В основном технологическое. Но кино и есть технология. С самого начала кино было производственным процессом. С приходом цифровых технологий мы смогли изображать на экране много такого, чего не получалось раньше, и сегодня, например, легче создавать декорации к историческим фильмам — их делает компьютер. Поэтому, идеализировав ситуацию, можно сказать, что через 10 лет границами кино станут рамки человеческого воображения.

— Но можно ли будет делать новаторские фильмы, которые будут удивлять зрителей?

— Разумеется, потому что сила искусства в деталях. Искусство — не идея, а выражение этой идеи. Идеи, завязки похожи друг на друга. Меня упрекали в том, что “Звездные войны” скопированы с фильма Куросавы “Три негодяя в скрытой крепости” — там тоже есть принцесса, восстание, приключения. Но действие происходит в самурайской Японии. Кино функционирует по жестким схемам, и придумать что-то новое практически невозможно. Кто-то, например, Годар, смог немного раздвинуть эти рамки, немного разнообразить схемы. Но все равно мы снимаем одни и те же истории, поэтому важно не что мы делаем, а как мы делаем.

— Осенью вы начинаете снимать вторую трилогию “Звездных войн”. Что вы можете рассказать о новом проекте?

— Три новых эпизода “Звездных войн” будут происходить на 30 лет раньше событий старых фильмов. Они расскажут о поколении отцов. Это будет история юности Анакина Скайуокера, его дружбы с Оби Ван Кеноби, его обучения и посвящения в рыцари-джедаи, его обольщения силами тьмы и превращения в Дарта Вейдера. До сих пор “Звездные войны” были историей Люка Скайуокера и принцессы Лейи, а теперь мы узнаем про их отца. История Анакина Скайуокера трагична, хотя в финале сын спасает его душу. Новая трилогия будет куда мрачнее предыдущих трех серий, в ней будет много политических интриг и предательства.

— Кто еще из старых персонажей вернется в новый фильм?

— Йода, Джабба, Эрдва-Делва... Я не хотел бы вдаваться в подробности. Посмотрите фильм — все узнаете.

САН-ФРАНЦИСКО

Джордж Лукас. Американский режиссер, продюсер, специалист по компьютерным эффектам. Родился в г. Модесто, штат Калифорния, в 1945 году. Окончил Университет Южной Калифорнии (отделение кино). Поставил фильмы “ТНХ-1138” (1971), “Американские граффити” (1973), “Звездные войны” (1977). Продюсер двух продолжений “Звездных войн” — “Империю наносит ответный удар” (1980) и “Возвращение джедая” (1983), а также ряда фильмов Стивена Спилберга. Владелец и руководитель фабрики спецэффектов Industrial Light and Magic.

Андрей Динориди
 15-05-97